

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9

Кривцова С.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*

Аннотация. в статье даётся описание логики феноменологического метода исследования и его приложения к проблемам психологии личности. представлена краткая история метода в работах Э. Гуссерля и его развитие в трудах других философов. идеи и положения феноменологии оказали воздействие на психологию личности, позволив сделать духовные переживания человека предметом научного исследования. в результате появилась концепция person, кратко представленная в данной статье.

Ключевые слова: феноменология, психология личности, концепция person, метод узрения сущностного, экзистенциальный способ мышления, логотерапия, экзистенциальный анализ, этический релятивизм, само-трансцендентность.

S. Krivtsova

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

PERSONALITY PSYCHOLOGY IN PHENOMENOLOGICAL PERSPECTIVE

Abstract. the article describes the logic of the phenomenological method of studies and its implementation to issues of personality psychology. it also contains a brief history of the method in e. husserl's works and its development in works of other philosophers. the ideas and propositions of phenomenology influenced personality psychology and turned spiritual experience of a person into the subject of research studies. this resulted in the appearance of the concept person which was adequate for the scientific inquiries of the post-post-modernism period. a brief description of the concept is also presented in the article.

Key words: ideas of phenomenology, personality psychology, the phenomenological research method, the concept of Person, subjective and objective knowledge.

1. Метод познания – способ мышления.

«Тоска по познанию, которое было бы независимо от субъекта, то есть объективно, и имело бы значимость для всех людей, тоска по знанию универсальному и потому – Божественному, эта тоска характерна для современной академической психологии», – сказал как-то профессор А. Лэнгле, начиная свою лекцию по феноменологии для профессоров факультета психологии МГУ [5]. В отечественной психологии сформулированные и обоснованные Л.С. Выготским в двадцатые годы двадцатого века требования создать объективную психологию, привнеся в неё разработанные в марксизме методы (историко-культурный, экспериментальный и диалектический) помогли преодолеть кризис и определили перспективы развития отечественной психологической науки. Классики отечественной психологии (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, П.Я. Гальперин и др.) чётко обозначали связь между методами исследования и теми содержаниями, которые попадают в поле научного анализа. Сегодня к психологии вновь предъявляются претензии в отношении её неспособности ухватить что-то по-настоящему важное для человеческой жизни и сделать объектом научного познания. И мы понимаем, что дело не в специалистах, а в том, что нет адекватного предмету метода. По прошествии столетия, за которое значительно изменились философия и методология научного познания, мы снова должны взглянуть на психологию сквозь призму имеющихся в её распоряжении методов. Поиски метода, адекватного такому феномену, как неповторимая человеческая индивидуальность, являются актуальной задачей современной психологии личности.

Двадцатый век, к сожалению, отчётливо показал, что объективные методы имеют свои границы. На объективную науку влияют идеология, экономика, а не только личность учёного. Объективное познание, отделённое от субъекта, как правило, не видит собственных

* © Кривцова С.В.

границ. Снова и снова происходят искажения, если не в измерениях, то в их интерпретации. Субъективное проникает в объективное, фактор человека невозможно полностью исключить. Это значит, что объективная наука не такая объективная, как ей хотелось бы быть. В науках о человеке эта проблема встала так же остро, как и в физике. Объективные методы исследования в психологии позволили получить богатейшую палитру научных знаний о личности и её развитии. Однако к концу столетия учёные-психологи всё чаще обнаруживают границы возможностей объективных методов исследования. Профессор факультета психологии МГУ, блестящий учёный школы П.Я. Гальперина, И.И. Ильясов как-то в беседе с автором посетовал: «Мы тридцать лет изучали процесс формирования моральных суждений и так и не поняли, как усвоенные понятия превращаются или не превращаются в моральное поведение». Философ науки Карл Поппер, однако, считал, что именно такие факты, собственно, и делают научную теорию именно научной теорией, а не догмой. Приведём его высказывание на этот счёт: «Догму значения или смысла и порождаемые ею псевдопроблемы можно устранить, если в качестве критерия демаркации науки от лже-науки принять критерий фальсифицируемости, то есть, по крайней мере, ассиметричной или односторонней разрешимости. Согласно этому критерию, высказывание или система высказываний содержит информацию об эмпирическом мире только в том случае, если они обладают способностью прийти в противоречие с опытом, или, точнее, если их можно опровергать, то есть подвергать проверкам, результатам которых может быть их опровержение» [8, 123].

Поиски метода начались не сегодня, и не в психологии, а, как положено, в философии – именно она задаёт новые способы мышления. Феноменология появилась на рубеже XIX-XX вв. как мощное философское направление на фоне неудовлетворённости философией познания, какой она была после Канта и Гегеля. Классические правила игры «сознание активно, бытие налично» привели к разделению познающего субъекта и объекта познания, но «вещь в себе» таким образом не могла быть доказана. Широко представленная в начале XX в. попытка изучения мировоззрений как зависящих от опыта и времени (культурно-исторический, социокультурный подходы) подтолкнула Э. Гуссерля к постановке противоположной задачи – изучить такой слой в сознании, который неподвластен

«культурному опыту». На протяжении всего процесса разработки феноменологического метода Гуссерль хотел «погасить человеческое» – элиминировать психологизмы, оставив только чистую логику. Дотеоретический опыт, доисторическая реальность – вот тема феноменологии.

Феноменология началась с работ Франца Brentano. Идея интенциональности всего психического вдохновила не только будущего феноменолога: Вюрцбургская школа мышления, гештальтпсихология, теория деятельности тоже проникнуты идеями Brentano, но – разными. Так, кроме внеположенного психике интенционального объекта, у него есть идея внутреннего восприятия. Она получит развитие у Гуссерля: что мы можем видеть, когда смотрим на объект? Только тень (ноэму) и одновременно – своё восприятие, впечатление. Именно Brentano впервые сформулировал постулат двойного видения: вовне и вовнутрь. Он сделал первый доклад о современных ему представлениях феноменологии в Германии; в 1874 г. переехал в Австрию, и у него там появился выдающийся ученик Эдмунд Гуссерль. Эдмунд Гуссерль впервые действительно обосновал феноменологию, взрастил её, превратив в самое влиятельное учение своего времени. Он был математиком, специализировался по феноменологии восприятия предметов физического мира. Он пытался ответить на простой вопрос: что я могу узнать? Он первым попытался свести субъект и объект – то, что Декарт в своё время развёл, породив психофизическую проблему. Благодаря предварительным работам Brentano, он показал, что восприятие всегда двойственно: смотря на что-то внешнее, человек смотрит на своё впечатление, то есть он может увидеть лишь субъективное впечатление. Но если тому, что на меня действует, дать свободу действовать так, как оно на меня действует, если оставить все рефлексии о реальности, то именно благодаря интуитивному чутью можно проникнуть вглубь, за плоскость фактичности. Сущность вещи, то, благодаря чему её невозможно ни с чем иным перепутать, открывается в особом акте, логику которого Гуссерль и сделал объектом своего интереса. «Когда я говорю о том, как объект мне явлен, каким он мне кажется, в этом уже содержится двойной взгляд: что себя показывает и как оно себя показывает. Видимое (явленное) есть уже взаимодействие субъекта и объекта, оно всегда принадлежит обоим». Это была основополагающая точка его феноменологии. Гуссерль обосновал тем

самым субъективным характер любого познания: внутреннее восприятие – это восприятие собственного впечатления от объекта. Центральный методический принцип феноменологии, «принцип всех принципов: каждое оригинально данное видение (узрение) есть источник познания; всё, что предлагает себя нам оригинально (первично) в «интуиции» (так сказать, в своей телесной действительности), следует просто принять как то, в качестве чего оно себя показывает, но также и только в тех рамках, в которых оно себя показывает. В правоте этого принципа не сможет поколебать нас ни одна мыслимая теория» [1]. Феноменологические исследования, говоря другими словами, имели целью раскрыть логику той многообразной черновой работы сознания, которая обычно не рефлексивируется нами, но которая непрерывно протекает при восприятии вещей и которая организует и сводит воедино наш опыт, придаёт этому опыту значение «нашего» опыта, поддерживает в нас ощущение устойчивости и реальности мира, тождественности собственного «я».

Гуссерль разработал систему предпосылок познания (узрения) сущностного. Вот три его знаменитые предпосылки: 1) факты, конкретные «чувственные обрывки» (Ойген Финк), без фактов воспринимающий теряет связь с реальностью; 2) субъективное впечатление, требующее от воспринимающего дать свободу объекту (разрешить себя впечатлитель, не ограничивать объект) и свободу впечатлению (разрешить в форме впечатления прийти любым чувствам); 3) эпохей (epoche) – убиение в скобки всего «психологического» – принесённого самим наблюдателем, то есть того, что не имеет отношения к ситуации. Через эти предпосылки (они же шаги метода) можно было подойти к узрению сущностного. Но даже при такой дисциплинирующей процедуре получения знания статус его радикальным образом менялся – это знание действительно могло быть сущностным, то есть максимально глубоким и полным; по сути, оно могло быть исчерпывающим знанием, но – только на данный момент, здесь и сейчас.

Феноменология заставила измениться сам идеал рациональности. В классическом идеале рациональности знание признавалось научным при условии, что оно обладало характеристиками константности, непреложности, неизменности. В новой, неклассической парадигме ценность знания как научного не снижалась, если оно было каждый раз новым. Теоретическим считалось обобщённое знание, сила теории задавалась критерием

широты предсказания. В неклассической парадигме получило научный статус точное знание, описывающее объект в модусе «здесь-и-сейчас». Знание лишалось своих самых важных характеристик – надёжности и воспроизводимости. Феноменологическая скромность превратилась из бытовой характеристики в специальный термин, обозначающий установку ответственности за своё радикально субъективное видение. Так, благодаря Гуссерлю, появился известный тезис, который он назвал феноменологической установкой: всё, что мы схватываем с помощью интуиции, является вполне законным источником для познания. Интуитивно прочувствованное, схваченное мы должны воспринять как реальность – реальность от органов чувств. Искусство заключается в том, чтобы ухваченное интуитивно воспринять таким, каким оно себя являет, показывает, ничего не приписывая и учитывая только то, что себя показывает, со всеми ограничениями. Феноменолог ничего не выводит дедуктивно, он не имеет права предполагать, додумывать, если объект сам не «говорит» о себе чего-то. Поэтому феноменологу часто приходится говорить: «Этого мы не знаем».

Границы феноменологического узрения проявляются также и в другом. Моя интуиция что-то говорит мне, и я соотношусь при этом с собой. Я ссылаюсь на себя и, как феноменолог, не говорю при этом: это есть так. Я могу сказать: у меня сложилось впечатление, что это так, однако я могу ошибаться. Очень скромная и одновременно ответственная позиция. Это одна граница. Другая граница – граница временная. Я могу лишь сказать: «Сейчас это так. И я не знаю, как это будет завтра». Это и имеется в виду, когда вслед за Э. Гуссерлем говорим, что вещь может быть воспринята «только исключительно в тех границах, в которых оно себя показывает». Почему мы так подробно описываем это в статье? Потому что из практики психологической работы с человеком как целостной личностью мы знаем: человек меняется, он не может быть познан раз и навсегда, то есть, по сути, не может быть объективирован. Но тогда как сделать эту практику объектом научного поиска? В этом нам поможет обзор развития идей Гуссерля его гениальными учениками – Мартином Хайдеггером и Максом Шелером. Шелер специализировался на феноменологии ценностей, он создал феноменологическую аксиологию. Он использовал феноменологический принцип беспредпосылочности восприятия для создания типо-

логии ценностей. Феноменология позволяет увидеть сущностное в том случае, если мы смотрим на свой объект без какого-то намерения, практической цели, то есть не выделяем его отдельных аспектов. Способность и готовность так смотреть на мир Шелер обозначил термином «установка духовного видения»: «В первую очередь феноменология не есть ни имя для новой науки, ни слово, заменяющее слово «философия», но имя, обозначающее установку духовного видения, при котором человек получает возможность видеть и переживать нечто, что без такой установки осталось бы от человека скрытым: именно царство «фактов» особого рода. Я говорю установка, не метод». Шелер [11] делит ценности на практические и внутренние. За каждой категорией стоит свой тип отношений между субъектом и объектом. В первом случае – это отношения владения, использования, во втором – то, что М. Бубер назовёт «Ты-отношением». Идеи Шелера о порядках ценностей – *ordo amoris* – позднее будут использованы Э. Фромом и А. Маслоу в своих концепциях в форме дилеммы «иметь или быть» и понятия метапотребностей. Именно применение феноменологического метода к проблемам человека открыло в двадцатом веке методологический ход к исследованию духовных переживаний. По Шелеру, феноменологическую установку можно описать как отдачу себя в рассмотрение вещей, а именно – в то, что я от этих вещей получаю в восприятии, в то содержание, которое я получаю при рассмотрении вещей. Ты отдаёшь себя содержаниям своего восприятия, отдаёшь себя тому, что воспринимаешь. Важно то, что это, прежде всего, эмоциональная отдача своему восприятию, погружение с помощью чувств. Шелер усматривает ни на что не похожую активность личности: человек может совершить такого рода отдачу, только глубоко открывшись. И при этом он уже внутренне подготовился, проделал определённую работу, в результате которой доверяет надёжности, твердости, прочности, несокрушимости всего того, что есть, он верит, что реальность устоит, выдержит его взгляд, не исчезнет от взгляда. Кроме доверия миру, в этом также есть очень глубокое доверие и себе самому. Для этого нужно также и мужество: отпустить себя от самого себя, и в этом любящем движении к миру уйти от себя: я в этом движении могу отдаться другому (объекту, ситуации). Это – то же самое, что мы делаем, когда слушаем музыку, или когда наслаждаемся ландшафтом. Мы отпускаем себя от наших мыслей, от наших ожида-

ний, страхов и позволяем вещам действовать на нас. И сердцем следуем за движением облаков или за музыкой. Сущее не оставляет нас равнодушным, оно нас трогает и изменяет. Мы становимся одним целым с сущим. Феноменология и у Шелера – радикально субъективный способ познания, в противоположность полюсу объективирующей позиции естественных наук.

Другим учеником Гуссерля был Мартин Хайдеггер, он специализировался на феноменологии бытия. Метод узрения сущностного он применил для понимания не зависящих от опыта, докультурных оснований человеческой жизни, обнаружив в качестве таких общечеловеческих закономерностей экзистенциалы – определённые переживания человека в ситуации, которые ставят перед ним задачу. Его феноменология для современной экзистенциальной психологии и психотерапии сегодня даже более важна, чем феноменология Шелера.

В XX в. феноменология оказала революционное воздействие на философию, науку и даже искусство в двадцатые годы. В середине века метод стал важной составляющей гештальт-терапии, превратился в недирективную терапию К. Роджерса, в 70-80-е гг. возродился уже как метод эмпирических исследований, стал развиваться в гуманитарных науках. Настоящий феноменологический бум начался в 90-е гг. XX вв. как в эмпирических исследованиях, так и в психотерапевтических практиках. Однако во многих университетах по-прежнему считается: то, что нельзя объективировать, то есть исследовать объективно, – это не может относиться к науке. Обобщая и систематизируя взгляды различных авторов, работающих в данном направлении, можно сформулировать несколько базовых положений феноменологической психологии:

- 1) рассмотрение переживания как центрального психологического феномена;
- 2) интерес к анализу смысла, способов видения и понимания человеком мира;
- 3) признание принципов беспредпосылочности и очевидности в качестве отправных пунктов эмпирических исследований и построения теории;
- 4) дескриптивный подход к исследованию психологических явлений;
- 5) использование субъективных отчётов испытуемых как основного источника данных исследования;
- 6) использование методов качественного исследования (преимущественно – ин-

тервью и анализа документации) и процедур анализа качественных данных.

2. Благодаря методу в поле зрения науки появляются новые области феноменов.

Макс Шелер писал: «Существует опыт, предметы которого остаются для «рассудка» совершенно недоступными; для которых он также слеп, как ухо и слух – для красок. Но такой род опыта делает доступным нам подлинные объективные предметы...» [11]. Вместе с феноменологией появилась экзистенциальная философия и экзистенциальная психология. Целый ряд идей и принципов феноменологии стал неотъемлемой частью экзистенциальной психотерапии (Р. Мэя, Р. Лэйнга, Дж. Бюджентала, Ф. Бьютендика, Э. Кина, Д. Крюгера, А. Лэнгле, Э. Спинелли и др., Э. ван-Дорцен).

Без феноменологии не было бы и экзистенциальной философии и психологии. Экзистенциальный способ мышления следующий: совершенно не важно, можем ли мы доказать объективное существование внешнего мира. Гораздо важнее для человека решить другую задачу – как справляться с собственной жизнью. Даже если мы осознанно откажемся от притязаний на объективное познание, мы сможем заниматься тем, что для нас важно – решать задачи, которые «мы себе не заказывали»: существует объективный мир или нет, я испытываю отчаяние, страх, радость, удовлетворение и гордость, горе и растерянность. Скромная позиция в отношении познания не мешает человеку хорошо обходиться с собственной жизнью. Объектом интереса науки становится бытие отдельного человека. Этот дух экзистенциальной философии перешёл в экзистенциальную психологию личности и психотерапию. Предметом науки стали субъективные переживания человека перед лицом жизненных задач, с которыми он сталкивается; при этом акцент делается именно на переживаниях, а обобщения и абстракции остаются в роли вспомогательного знания. Это требует мужества и человеческой скромности – видеть задачу науки в том, чтобы информационно обеспечивать процесс формирования человеком собственной жизни. Феноменологическая психология, таким образом, – не ещё один раздел психологии, а совершенно иной подход. В нём в поле зрения попадает единичное и неповторимое.

«Первичный», феноменологически постигаемый опыт бытия личности представлен такими онтологическими структурами, как переживания свободы, стремления к смыслу, ответственности, любви, справедливости,

добра, зла и др.

Но наиболее ценным, на наш взгляд, является вклад В. Франкла, создавшего логотерапию и экзистенциальный анализ. В рамках этого подхода, получившего впоследствии название «третьей венской школы психотерапии» (первой светской школой считается психоанализ Фрейда, второй – индивидуальная психология А. Адлера.), удалось фундаментально и подойти к описанию Person. В структурной антропологии экзистенциального анализа человек описан как единство тела, психики и персонального духа. Франкл [12, 125] выбрал для схематического изображения этого модель трёх измерений, которые, образуя трёхмерное пространство, представляют собой единство. В такой картине человека сущность человека видится в вертикальном измерении – Person. Психодинамика и телесность тоже отражают человеческое бытие, но не являются специфически человеческими. Person является основой для аутентичного соотношения себя с собой и с другими. Франкл называл её «свободным в человеке» [12, 145]. Человек живёт сущностно, только когда он пытается реализовать свою свободу. Он вносит себя в процесс обмена с миром, чтобы актуализировать свой потенциал свободы. Он может быть впечатлён миром и дать пространство своему переживанию, в соотношении с собой он выносит суждение и занимает позицию (по отношению к данностям и событиям), ответственно принимает решения и пытается их реализовать, учитывая при этом имеющиеся в реальности возможности. Эти три собственно человеческие способности – быть затронутым миром, понимать свои впечатления и в соотношении с собой, на основании этого понимания, принимать решения и действовать, внося, таким образом, себя в мир – тоже имеют в своём основании феноменологию. Но в способности принимать решения и действовать человек в своей свободе уже больше, чем феноменолог, в решении и действии он превосходит феноменологию.

Если мы хотим обратиться к сущности человека и заняться, например, не только телом и психодинамикой, выученным поведением и пережитыми травмами, психопатологией и т. д., тогда в консультативной или терапевтической беседе или в исследовании мы обращаемся к Person, то есть к той инстанции человека, которая принимает решения и, тем самым, осуществляет свободу. Не только феноменологическая психология ищет доступы к личностному. Теория де-

ятельности через разделение мотива и цели показывает различие собственно смыслового и целевого уровней регуляции деятельности. Немало подходов исследуют продукты деятельности и творчества личности, произведения искусства, артефакты, созданные человеком, в психотерапии хорошо развит так называемый провокативный подход, построенный на конфронтации. Провокативный подход (в широком смысле) осуществляется через прямое заговаривание о тематике, пробуждение интереса, провоцирование, конфронтирование, объяснения и т. д. Это наиболее часто встречающаяся форма, в которой пытаются заговорить с Person в повседневной жизни (*pro-vocare* = «вызывать», «звать», «кликать»). При данном способе действия отношения хотя и устанавливаются, но человека всё-таки оставляют одного, предоставленного самому себе – он «там у себя», – и это относительно легко может вызвать защитные реакции.

В феноменологической психологии мы, прежде всего, «...предоставляем Person пространство. Слушатель (*Der leichten Lesbarkeit halber wird das generische Maskulinum verwendet*) отходит на задний план, чтобы другой в разговоре мог лучше «раскрыться», чтобы смогло показаться то, что волнует этого человека, что для него важно, что он чувствует, думает, каково ему с самим собой и в мире. Короче говоря: мы смотрим на то, что его делает тем, какой он есть. Мы интересуемся целостностью этого человека. Такая форма установления отношений позволяет преодолеть разделяющую дистанцию, возникает общее поле между слушающим и говорящим. Понимания мы пытаемся достичь благодаря феноменологии» [4]. Такой подход принят в гуманистических и экзистенциальных направлениях. В них внимание направлено на рост и становление человека, поэтому речь идёт о том, как он может развиваться и реализовать себя, то есть в большей степени быть самим собой, в большей степени быть Person.

3. Концепция Person.

Как мы можем знать о том, что иногда ведём себя в соответствии с собой, аутентично, а иногда – несвободно, вынужденно? Только по тем переживаниям, которые сопровождают поведение. Они глубоко личные и индивидуальные, но они знакомы каждому человеку. Жить в согласии с собой и с миром, – вот чего мы могли бы пожелать себе и другим. Субъективные переживания становятся критерием, позволяющим различить персональ-

ное и неперсональное в поведении человека. Но для научного анализа нам нужна концепция Person. И здесь возникает проблема. Самое первое феноменологическое впечатление о сущности человека – меняющееся, его нельзя зафиксировать и объективировать. То есть оно, «по определению», не может быть определено. И всё-таки в экзистенциальном анализе и логотерапии имеются удачные подходы к описанию Person. Остановимся на них подробнее.

1. Person – свободное в человеке.

Речь идёт не об установленном, зафиксированном, а о возможности того, каким я могу быть. Я всегда стою перед выбором в отношении самого себя. Person – это возможность. Person – это духовное измерение человека. Духовное изначально является „свободным“. Так как Person является духовным, она свободна. Свободное действует сквозь психофизическое, просвечивает, звучит “сквозь”. Одна из гипотез о происхождении понятия – от латинского *per se ipso* – звучащая сквозь. В самом деле, в том, как человек ведёт себя, обходится с вещами и людьми, с собой и своей жизнью, как бы просвечивает его сущностное. Не только совершённые поступки, даже сделанные человеком вещи отражают свет его Person. Или отсутствие этого света.

Если Person есть свободное, то его нельзя удержать, оно всегда больше, чем то, что мы о нём знаем или можем о нём сказать (Ясперс), и, по своей сути, оно позволяет человеку всегда мочь быть другим. В дневниках Л.Н. Толстого есть замечательная цитата: «Одно из самых обычных заблуждений состоит в том, чтобы считать людьми добрыми, злыми, глупыми, умными. Человек течёт, в нём есть все возможности: был глуп, стал умён, был зол, стал добр и наоборот. В этом величие человека. И поэтому нельзя судить человека. Какого? Ты осудил, а он уже другой. Нельзя и сказать не люблю: ты сказал, а оно другое». Франкл писал: «Всё, что мы говорим о Person, касается, собственно говоря, не её, а того, чем она была прежде. Так как она свободна, она представляет собой способность всегда также мочь быть другой». Следовательно, а) она может удивить; б) она непредсказуема; в) нельзя говорить о ней, а только к ней (встречать).

2. Person обнаруживается через действия Я, это то, что говорит, что произносит Я.

Person – это способность быть «Я». Благодаря Person я являюсь субъектом, то есть автором осуществляемых мной действий. Несмотря на свою открытость и способность впе-

чатляться и изменяться, Person переживает себя постоянно как идентичную самой себе (аутентичность). Достижение аутентичности вновь и вновь осуществляется через внутреннее согласование впечатлений с собой. Person – не что-то, не оно, это всегда Я или Ты.

3. Person – это говорящее во мне и ко мне.

Мы, как Person, находимся в постоянном диалоге с миром и с другими Person. Бытие-Person – это в такой же степени диалог с самим собой: мы находимся в постоянном внутреннем разговоре, когда мы переживаем себя как аутентичного.

4. Невозможность объять Person.

Таким образом, Person – понятие экзистенциального анализа для обозначения духовного измерения человека и его способности к экзистенции. Person (ноэтическое измерение) определяется у Франкла как “свободное в человеке”. Он ставит Person на полюс, противоположный по отношению к каузально-детерминированному психофизическому, которое по определению является несвободным в человеке. В понимании Франкла, между Person и психодинамикой (психическим) имеется различие в сущности. Это различие даёт способность к самодистанцированию. Занять дистанцированную позицию – именно это создаёт внутреннюю свободу, а возможный благодаря этому внутренний диалог открывает пространство для интимности и интуитивного чутья на правильное, которое Франкл определяет как совесть.

Со своей концепцией „оппонирующего Духа“ Франкл продолжает традиции М. Шелера [12; 13]. Свобода Person хотя и возникает из оппонирующей обстоятельствам „свободы от“, однако воплощает себя (экзистенциальная исполненность) лишь в „свободе для“ – в превосходящем себя самого, ответственном обмене с миром. Самоотрансцендетность – антропологическая особенность человека, благодаря которой он полностью отдаётся ценностям в мире и так обнаруживает смысл своей жизни и формирует себя как личность.

Свобода и непостижимость Person в конечном итоге основывается в совести как самой большой глубине, коренящейся в духовном бессознательном. Своё расширение и смещение акцентов концепция Person получила благодаря А. Лэнгле [6], который исходит из понимания Person как „говорящего во мне“. Центральным моментом становится не оппонирующая свобода, а способность к Диалогу, в котором осуществляется присутствующая Person открытость и формируется Я как

двойная соотнесённость: с собой и с миром.

Мы достигаем сущностного в человеке благодаря Встрече. Инструментом встречи является диалог. И в эмпирико-феноменологических исследованиях, и в психотерапии, где методом становится идеографический анализ отдельного случая, условием получения доступа к персональным переживаниям личности становится построенный на доверии диалог между исследователем и испытуемым, в котором имеется феноменологическая установка «понять человека из него самого», из его собственной перспективы, из его собственной логики.

3. Проблема этического релятивизма и смена парадигм мышления в XX в.

Феноменологическая перспектива в психологии личности ещё и потому является наиболее ресурсной для дальнейшего развития психологии, что снимает непростую герменевтическую проблему и связанные с ней проблемы этического релятивизма.

Начиная с 60-х-70-х гг. двадцатого века в европейском научном сообществе утверждается философская методология постмодернизма. Она оформилась, с одной стороны, как следствие развития методологии модернизма, особенно в физике, где на первый план в понимании реальности выходят «принцип неопределённости», «теория относительности» и «теория хаоса», и, с другой стороны, – как реакция на крах политических программ модернизма, которые, помещая «прогресс» впереди всех других ценностей, привели к ужасам Второй мировой войны.

Для постмодернистского мировоззрения характерна установка на невозможность описания мира в его целостности с помощью общих универсальных теорий, которые претендуют на истинное, единственно верное знание о действительности. «Когда этот метадискурс прибегает эксплицитным образом к тому или иному «великому рассказу», как например, о научной познаваемости мира, диалектике Духа, герменевтике смысла, эмансипации трудящегося субъекта или росту благосостояния, то науку, которая соотносится с ним, в целях самолегитимизации решают назвать «модернизм». Упрощая до крайности, мы считаем «постмодернизмом» недоверие в отношении метанарративов... Наша рабочая гипотеза состоит в том, что по мере вхождения в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуру – в эпоху постмодерна, изменится статус знания. Оно по-прежнему будет иметь большую цену, как информационный товар, усиливающий

индустриальную мощь, но без этих метанарративов – мы должны их исключить...», – формулирует центральное положение постмодернизма Жан Франсуа Лиотар [3].

Модернистский поиск абсолютных истин философски ненадёжен, по мнению представителей постмодернизма, поскольку всё наше знание принципиально оформлено в виде специфических лингвистических структур, или «текстов». Как утверждает Ж. Деррида, лингвистическое означающее не может соотноситься с чем-то, что существует в реальности, поскольку неизбежен отрыв знака от его онтологического содержания. И поскольку любое знание представляет собой систему взаимосвязанных означающих, оно может быть верным только внутри этой системы; но его правильность или ложность не может быть установлена, если мы выходим за пределы данной системы означающих. В этой связи Ж.-Ф. Лиотар полагал, что научное знание как система означающих не более «истинно», чем любая другая система означающих [3].

Таким образом, в постмодернизме утверждается философский релятивизм – идея об относительности любой теории, и, одновременно с этим, плюрализм – допущение сосуществования и равноценности множественных описаний реальности. Признание огромной творческой силы словесной конструкции, с точки зрения методологии гуманитарных наук, приводит к тому, что язык превращается в единственную реальность, почти не связанную с реальностью, объективно существующей, а анализ онтологических структур мира заменяется анализом текстов. С объявлением неоднозначными понятий истины, веры и добра постмодернистский проект культуры превращается в культуру без ценностных универсалий [10].

«Согласно концепции В. Франкла, духовное бытие человека, или экзистенция, находится за пределами системы лингвистических означающих как трансцендентная им величина. Экзистенция, бытие личности, – это не то, что человек «имеет», но то, что он в своей глубинной сердцевине «есть». Причастность человека миру, прежде всего, переживается, и только потом рефлексивируется и оформляется в словах. Подобные дологические переживания, представляя собой реальность, лежащую за словами, онтологически и онтически предшествуют языку, в котором получают свою объективацию» [10, 18].

Следовательно, психология благодаря феноменологическому методу может теперь

«прорваться к духовному бытию через заслоняющие его бастионы языковых и понятийных конструктов и преодолеть постмодернистскую утрату реальности, вернув миру и человеческому бытию его онтологическую основу посредством экспликации метанарративного довербального опыта личности» [10, 20].

Из всего сказанного можно сделать ряд выводов. Феноменологическая перспектива открывает для психологии личности пути решения актуальных проблем. А именно:

1) как нередукционистски подойти к исследованию сложных человеческих переживаний, например, той самой совести, которая не формируется методом интериоризации? Эти сложные переживания не обязательно объяснять, но обязательно описывать, чтобы понимать. В этих описаниях и анализе, построенном на описаниях, испытывает большую нужду и современная социология, и социальная психология, и психология управления, и, конечно, психотерапия;

2) если до середины XX в. критерием правильного в психологии личности выступало осознанное, то сегодня (благодаря, в частности, логотерапии Франкла) сознание больше не является сущностным признаком человеческого. Теперь мы получили основания для дифференциации поведения и мышления на персональное и защитное, психодинамическое. Так преодолевается этический релятивизм психологии личности. Исследования копинговых реакций (неперсональных способов поведения), наряду с по-настоящему человеческим поведением (когда человек может быть Person), имеют теперь под собой хорошо оформленную методологию и могут стать источником новых глубоких знаний о природе человеческой личности;

3) не нужно повторять, насколько важно сегодня установить связи между академическими исследованиями человека и практической психологией, психотерапией и практикой консультирования. Это позволит поднять уровень самой психологической практики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.
2. Кривцова С.В. Виктор Франкл и Макс Шелер. Проблемы феноменологической аксиологии //

- Проблема смысла в науках о человеке. Материалы международной конференции. М.: Смысл, 2005. С. 74-83.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.
  4. Лэнгле А. Воспринимать то, что затрагивает. Феноменология в практике экзистенциального анализа // Экзистенциальный бюллетень, № 1. 2009.
  5. Лэнгле А. Экзистенциальная психология и психотерапия. Лекция 21 ноября 2008 года в МГУ. Альфريد Лэнгле в Москве. Видеофильм. Факультет психологии. МГУ, 2008.
  6. Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности / Науч. ред. Кривцова С.В. М.: Генезис, 2005.
  7. Лэнгле А. Экзистенциальный анализ – найти согласие с жизнью // Московский психотерапевтический журнал, № 1. 2001. С. 5-23.
  8. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
  9. Тихонравов Ю.В. Экзистенциальная психология. М.: ЗАО «Бизнес-школа Интел-Синтез», 1998.
  10. Уколова Е.М., Шумский В.Б. Виктор Франкл. Творческое наследие на фоне культуры // Экзистенциальный бюллетень, №2. 2010.
  11. Шелер М. Избранные произведения/Пер. с нем/ сост., пер., науч. ред. Денежкина А.В. М.: Гнозис, 1994.
  12. Frankl V.E. Der leidende Mensch. Anthropologische Grundlagen der Psychotherapie. Bern: Huber, 1984.
  13. Wicki B. Die Existenzanalyse von Viktor E. Frankl als Beitrag zu einer anthropologisch fundierten Paedagogik. Bern: Haupt, 1991.

УДК 159.9(091)

Зарипова Л.З.*Пермский государственный классический университет*

РАЗВИТИЕ ИДЕИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ*

Аннотация. Статья посвящена мало-изучаемому периоду в исследовании идеи индивидуальности в России – рубежу XIX – XX вв. Как свидетельствует библиографический анализ, указанная тематика в отечественной психологии затрагивалась, прежде всего, в контексте общенаучной проблемы Человека.

Показано, что учёные разных методологических направлений раскрывали индивидуальность через содержательные, структурные и динамические составляющие; обнаруживается понятийная близость терминов «индивидуальность», «индивид», «личность», «характер».

Ключевые слова: индивидуальность, индивид, личность, человек.

L. Zaripova

Perm State University

THE DEVELOPMENT OF THE IDEA OF INDIVIDUALITY IN PSYCHOLOGICAL SCIENCE IN RUSSIA: THE HISTORY OF THE PROBLEM

Abstract. The article illustrates a little studied period of the researching of the idea of

individuality on the boundary of 19-20 centuries in Russia. As a bibliographic analysis evidences, the given scientific theme in domestic psychology has been discussed in the framework of common scientific problems of a Man.

It is shown, that the scientists of different methodological orientation understood individuality through substantial, structural and dynamic components. The conceptual affinity of the terms «individuality», «individual», «personality» and «character» is revealed.

Key words: individuality, individual, personality, character, man.

Современное состояние проблемы человека в целом в философской и психологической науке оценивается как кризисное. Психология пытается определиться в отношении к понятию «человек», переосмыслить его. Обращение к вопросу о человеке, его сущности актуализировало и проблему индивидуальности [4, 279]. Данная проблема становится объективно острой и в силу роста человеческого фактора [6, 247].

Целью данной статьи является освеще-

* © Зарипова Л.З.